

DOI: 10.24412/2470-1262-2021-3-54-69
УДК (UDC)37.015.3:159.944:316.4(045)

*Nekipelova Irina M.,
Kalashnikov Izhevsk State Technical University
Izhevsk, Russia
Nekipelov Eduard Sh.,
Kalashnikov Izhevsk State Technical University
Izhevsk, Russia*

*Некипелова Ирина М.,
Ижевский государственный технический
университет им М.Т. Калашикова,
Ижевск, Россия
Некипелов Эдуард Ш.,
Ижевский государственный технический
университет им М.Т. Калашикова,
Ижевск, Россия*

*For citation: Nekipelova Irina M., Nekipelov Eduard Sh., (2022).
Semantic reasons of grammatical drift
(on the material of transformations of the verbs *везти, паить, спорить*).
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 6, Issue 3, (2021), pp. 54-69 (in USA)*

*Manuscript received: 10/10/2022
Accepted for publication: 20/11/2022
The authors have read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0*

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ГРАММАТИЧЕСКОГО ДРЕЙФА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ГЛАГОЛОВ *ВЕЗТИ, ПАИТЬ,
СПОРИТЬ*)**

**SEMANTIC REASONS OF GRAMMATICAL DRIFT
(ON THE MATERIAL OF TRANSFORMATIONS OF THE VERBS *ВЕЗТИ,
ПАИТЬ, СПОРИТЬ*)**

Abstract:

The article is devoted to the research of the mechanism of grammatical drift of verbs that have lost in one of their meanings categorical meaning of verb action. These words tend to state category words as a result of their acquisition of the categorical meaning of a state. We are talking about frozen impersonal forms of verbs that can correlate in the constructions of the modern Russian language with the subject of action in the dative case, called the dative subject. The mechanism of grammatical drift had historical in nature character and was actively implemented from the XVII to XIX centuries. Its result was the emergence of a group of words that were originally other parts of speech and currently belong to the words of the category of state. The research was carried out on

the material of the verb "везти" and the synonymous verbs "паить" and "спорить" that were lost in modern Russian. It showed that the verbs under study underwent a semantic-grammatical transformation. In conclusion, the authors concluded that grammatical drift was caused by semantic derivational processes that took place in connection with the development of abstractness in the Russian language. He was characterized by lively colloquial speech and focused on the development of the language and the expression of the mental category of state important for Russian people.

Keywords: semantic derivation, grammatical drift, statives, dative subject, subject of state, loss of verb action meaning

Аннотация:

Статья посвящена исследованию механизма грамматического дрейфа глаголов, потерявших в одном из своих значений категориальное значение глагольного действия и стремящихся к словам категории состояния в результате приобретения ими категориального значения состояния. Речь идёт о застывших безличных формах глаголов, способных соотноситься в конструкциях современного русского языка с субъектом действия в дательном падеже, называемом иногда дативным подлежащим. Механизм грамматического дрейфа имел исторический характер и активно реализовывался с XVII по XIX века. Его результатом стало появление группы слов, имеющих первоначально разную частеречную природу и относящихся в настоящее время к словам категории состояния. Исследование было проведено на материале глагола *везти*, и синонимичных ему глаголов *паить* и *спорить*, утраченных современным русским языком. Оно показало, что исследуемые глаголы претерпели семантико-грамматическую трансформацию. В заключение авторами был сделан вывод, что грамматический дрейф, причиной которого были семантические деривационные процессы, имевшие место в связи с развитием отвлечённости и абстрактности в русском языке, был свойственен живой разговорной речи, ориентирован на развитие языка и выражение важной для русских людей ментальной категории состояния.

Ключевые слова: семантическая деривация, грамматический дрейф, слова категории состояния, дативное подлежащее, субъект состояния, потеря значения глагольного действия

Введение

Язык представляет собой постоянно развивающуюся систему, в рамках которой трансформации подвергаются не только лексика и семантика, но и грамматика языка. Многие, имевшие место в истории русского языка грамматические трансформации, совокупность которых можно обозначить как грамматический дрейф, были вызваны семантическими сдвигами и обусловлены связью грамматических показателей слов с их семантическим развитием. Именно в результате реализации этого сложного механизма в русский язык вошла категория слов, получившая в некоторых исследованиях название *слова категории состояния*, и укоренилась в нём.

Постановка проблемы, методы и материалы исследования

В ментальности русского человека заложено различие между такими базовыми категориями мышления как *действие*, выраженное глаголом, и *чувствование*, или *состояние*, выраженное словами категории состояния – определёнными грамматически и семантически трансформированными словами. Трансформация этих слов была вызвана их внутренним семантическим сдвигом и тянула за собой сдвиг грамматический, поскольку в языке для точности и однозначности понимания новых конструкций появилась необходимость различать конструкции действия и конструкции состояния. Одновременно с этим трансформации подвергались и некоторые другие конструкции, деформировавшие

привычную для русского языка структуру предложения и сформировавшие специальные грамматические условия функционирования новых языковых единиц.

Прежде чем приступить к рассмотрению семантико-грамматических показателей слов категории состояния, необходимо обозначить семантику возможных субъектов при свойственных русскому языку предикатах:

– субъект действия, или агенс – деятель, употребляемый в форме именительного падежа (subject of action): *она боится последствий*; грамматически, но не семантически к субъекту действия можно отнести субъект существования (subject of existence): *она является хозяйкой дома*, а также субъект описания (subject of description): *она добрая*;

– субъект воздействия, или пациенс – лицо или предмет, испытывающее воздействие, употребляемый в беспредложной форме винительного падежа (subject of exposure): *её трясёт от страха*;

– субъект обладания, или посессор – обладатель, употребляемый в форме родительного падежа с предлогом у (subject of possession): *у неё шок*, или в форме беспредложного родительного падежа;

– субъект состояния, или экспериенцер – носитель чувств и восприятий, употребляемый в беспредложной форме дательного падежа (subject of state): *ей страшно*.

Отдельно можно говорить также о конструкции с субъектом, поставленным в беспредложную форму родительного падежа, при отсутствии или несуществовании лица или предмета: *её нет*.

Вторая, третья и четвёртая конструкции противопоставлены первой и объединены невозможностью ввода в высказывание существительного или местоимения в именительном падеже: при вводе в предложение существительного или местоимения в именительном падеже происходит не перераспределение субъектно-объектных ролей в высказывании, а его разрушение, поскольку в одно высказывание невозможно ввести два неоднородных субъекта, выраженных разными падежными формами.

В нашем исследовании нас прежде всего интересует экспериенцер, то есть субъект состояния, выраженный беспредложной формой дательного падежа.

В современной отечественной науке субъект действия приравнивается к подлежащему. Оба эти термина описывают одно и то же явление с разных сторон: субъектом состояния оно называется в соответствии с выраженной им категориальной семантикой, подлежащим – в соответствии с выполняемой им синтаксической функцией в предложении. Некоторые учёные определяют субъект состояния, или по-другому дативный субъект, как дативное подлежащее [14, с. 569] и относят его к неканоническим подлежащим [15]. При всей достаточно непротиворечивой картине конструкции с дативным субъектом получали в научной литературе значительно различающиеся трактовки и обозначались несовпадающими терминами, а сами границы этого класса проводились по-разному [15, 21, 20]. Считается, что столь широкое и неконкретное понимание исследуемого языкового явления дативных подлежащих связано с тем, что «дать непротиворечивое теоретически обоснованное определение конструкциям с дативным субъектом затруднительно» [14, с. 569].

Дативный субъект, или субъект состояния, играет в структуре предложения особую роль. Он обслуживает конструкции, выражающие семантику состояния, и сочетается со словами категории состояния или словами, приближенными к ним. По сути, возникновение дативных субъектов является семантико-грамматической необходимостью, поскольку по своей первоначальной реципиентной природе они обозначают получателя и противопоставлены деятелю.

Не так однозначна и природа слов, способных выражать категорию состояния. В современном языкознании до сих пор нет единого мнения о природе этих слов, и в научных кругах наблюдается терминологическая синонимия, которая указывает на гетерогенность этой части речи.

Слова категории состояния часто приравниваются к предикативным наречиям на -о, однако это выражает очень узкий подход к исследуемому вопросу. Да, действительно, среди слов категории состояния есть слова, образованные семантическим способом от наречий и совпадающие с ними по грамматической форме и грамматическим категориям: *хорошо, комфортно, противно* и пр. Эти слова сохранили от наречий сравнительную степень: *хорошо жить одному* (положительная степень сравнения), *лучше я буду жить один* (сравнительная степень). Их грамматическая трансформация была вызвана изменением выполняемой ими ранее синтаксической функции, они стали играть роль предикатов и поэтому в некоторых исследованиях получили название предикативных наречий на -о.

Приходится говорить также, что не только наречия на -о являются источником пополнения списка слов категории состояния. Так, слово *нельзя* также следует рассматривать как слово, выражающее состояние.

Кроме того, слова категории состояния могут быть образованы от прилагательных: *хороший* → *хорошо*, от *отглагольных прилагательных*: *видный* → *видно* и от причастий: *накуренный* → *накурено*, *запертый* → *заперто*. В данном случае открытым является вопрос об образовании слов категории состояния: то ли слово категории состояния, например *хорошо*, образовано семантическим способом от наречия *хорошо*, которое в свою очередь было образовано морфемным способом от прилагательного *хороший*, то ли образование слова категории состояния *хорошо* напрямую было образовано морфемным способом от прилагательно *хороший* – это вопрос открытый. Однако в случае с причастиями всё гораздо понятнее: такого наречия, как *накурено* не существует, а это значит, что слово категории состояния *накурено* произошло напрямую от причастия *накуренный*.

К словам категории состояния относятся также существительные, потерявшие значение предмета и выражающие значение состояния (несогласуемые именные предикативы [16]): *время* (*время подводит итоги*), *грех* (*грех не воспользоваться случаем*), *досуг* и *недосуг* (*недосуг мне по театрам ходить*), *лень* (*мне лень делать уборку*), *охота* и *неохота* (*неохота мне деньги тратить*), *пора* (*мне пора возвращаться*), *жаль* (*нам жаль расставаться*), *стыд* (*стыд говорить такое*). Этим словам также присуще соотношение с субъектом состояния в дательном падеже, хотя оно и не является обязательным условием построения высказывания. Главным параметром конструкции с указанными словами является невозможность использования в высказывании субъекта в именительном падеже.

Из приведённых примеров видно, что категория состояния несколько гетерогенна, и поэтому для обозначения широкой группы слов, выражающих состояние, во второй половине XX века чешскими лингвистами был предложен термин предикативы, определяющий группу искомых слов по синтаксическому функциональному признаку – слова, обозначающие статическое состояние и выступающие в функции сказуемого (предиката) безличного предложения. Однако отнесение слова к той или иной части речи в русском языке имеет прежде всего семантический характер: например, существительные могут выполнять разные синтаксические функции – подлежащего, дополнения, обстоятельства, сказуемого и определения, но вне зависимости от выполняемой ими синтаксической функции все существительные имеют категориально значение предметности в широком смысле. Именно поэтому мы считаем, что наиболее успешным термином из всех используемых в современной науке по отношению к словам, выражающим состояние, является термин *слова категории состояния* (*statives*).

Долгое время самостоятельное существование исследуемых слов в науке не признавалось. Впервые термин *категория состояния* ввёл Л. В. Щерба в статье «О частях речи в русском языке». По мнению Л. В. Щербы, к словам категории состояния можно причислить слова, являющиеся сказуемым в сочетании со связкой. Он относит к этой категории и формы на -о (*становится холодно*), и краткие прилагательные (*он сердит*), и слова типа *замужем, навеселе* и т. п., что, безусловно, делало понимание категории состояния несколько размытой. Подводя итоги обсуждению, Л. В. Щерба пишет: «...

слишком разнообразны средства ее выражения, однако несомненным для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях, но не получила еще, а может и никогда не получит, общей марки» [18, с. 91]. Вслед за Л. В. Щербой о категории состояния начинает говорить и В. В. Виноградов. Исследуя вопрос определения статуса и природы слов категории состояния, он пишет следующее: «Если этот перечень дополнить разными другими претендентами на роль частей речи, выдвигавшимися в последнее время (например, категорией состояния, распознаваемой в словах *можно, нельзя, надо, жаль...*), то число частей речи в русском языке перешагнет за двадцать», и после этого категорию состояния начинают признавать многие учёные. Однако в академической Русской грамматике (1980) категория состояния в качестве самостоятельной части речи не рассматривается [13].

В современном русском языке большинство грамматистов признают категорию состояния как самостоятельную часть речи, имеющую свои семантические, морфологические и синтаксические свойства, однако до сих пор она признаётся далеко не всеми лингвистами. Кроме того, те учёные, которые признают существование этой части речи, по-разному определяют её состав и грамматические свойства слов, её образующих [1, 2, 3, 6, 17].

На наш взгляд, к словам категории состояния, по всей видимости, можно также отнести и ряд застывших глагольных форм, потерявших категориальное значение глагольного действия и приобретших категориальное значение состояния. В силу того, что процесс их грамматической трансформации до настоящего времени не завершён, мы будем говорить о том, что безличные формы глаголов тяготеют к словам категории состояния и выполняют в высказывании их роль, разнясь с глаголами в чистом виде. Речь идёт о соотношении таких высказываний, как *я не сплю* (действие) и *мне не спится* (состояние), *я хочу* (действие) и *мне хочется* (состояние), *я не работаю* (действие) и *мне не работается* (состояние) и пр. В. В. Виноградов сопоставлял слова категории состояния с безличными формами глаголов, но не относил безличные формы глаголов к категории состояния: «Ср. безличные глаголы: "Взгрустнулось как-то мне в степи однообразной" (Кольцов); "И верится и плачется, и так легко, легко..." (Лермонтов) и т. п.» [2]. Некоторыми исследователями подобные конструкции называются конструкциями с «модально-деагентивными» (безличными) возвратными глаголами [7, с. 30–34; 5, с. 298–301; 19, с. 273].

В представленном исследовании речь идёт о застывших глагольных формах третьего лица единственного числа, способных соотноситься с существительными и местоимениями в дательном падеже и не способных соотноситься с существительными и местоимениями в именительном падеже. Это глаголы, употребление которых в определённом значении с подлежащим, то есть субъектом действия в именительном падеже невозможно. Это не единственный случай в русском языке, когда при предикате оказывается невозможным употребление субъекта в именительном падеже. Частица *нет* также может выполнять роль предиката, при этом субъект при ней должен стоять в родительном падеже, что обусловлено логикой русского языка, требующей при отрицании родительного падежа. Указанные процессы являются свидетельством того, что языком осуществляется семантический и грамматический поиск новых способов выражения разных категорий, направленных на их различие.

В качестве рабочей базы определим следующие критерии отнесения тех или иных слов к словам категории состояния:

- слово обозначает состояние в узком или широком понимании,
- слово не зависит ни от каких слов в предложении,
- слово выполняет функцию сказуемого, то есть является предикатом,
- слово не может соотноситься с подлежащим в именительном падеже, являющимся субъектом действия,
- слово способно соотноситься с субъектом состояния, выраженным в дательном

падеже, употребление которого, однако не является обязательным условием в предложении,
– слово в силу того, что оно является семантическим производным от слов других частей речи, имеет по сравнению с ними усечённую грамматику, что проявляется в том, что оно не может иметь все грамматические признаки исходной части речи и не может реализовывать все её грамматические категории,

– слово может сохранять элементы словоизменения, стремясь при этом к неизменяемости или сокращению возможных грамматических форм,

– стремится к аналитизму сохранившихся форм.

Все эти критерии необходимы для того, чтобы описать природу слов категории состояния и выявить механизмы перехода слов из разных частей речи в категорию состояния. Необходимость изучения этих механизмов связана с потребностью языка выразить заложенную в нём и в русской ментальности представлений о такой важной категории мышления, как состояние.

Исследование является продолжением ряда статей, посвящённых изучению процессов и механизмов семантической деривации, ставшей причиной в том числе грамматических изменений в языке [8, 10].

Целью исследования является выявление и описание механизма семантической деривации, приводящей к появлению у некоторых глаголов созначения, теряющего со временем значение глагольного действия, и способствующей переходу застывшей безличной формы глагола в разряд слов категории состояния.

Предметом исследования является семантическое наполнение глагола *везти* и синонимичных ему глаголов *паить* и *спорить*, а также семантические трансформации его внутренней структуры; объектом – механизм грамматического дрейфа, ставший следствием семантических деривационных процессов.

Материалом исследования послужили данные этимологических, а также современных и исторических толковых словарей, на основе которых был осуществлён диахронический срез с целью выявления времени начала семантико-грамматических трансформаций глаголов *везти*, *паить* и *спорить*.

В исследовании были использованы следующие методы исследования: компонентный и сравнительно-исторический анализ.

Семантико-грамматические трансформации глаголов

Одним из явных случаев трансформации грамматической природы является трансформация глагола *везти* и выделение из него безличной формы *везёт*, получившей самостоятельную грамматическую жизнь.

Слово *везти* квалифицируется современной грамматикой русского языка как глагол. Оно имеет все грамматические признаки глагола и реализует все грамматические категории, присущие глаголу. Однако исследуемый глагол является многозначным, и в одном из своих значений он может употребляться в застывшей безличной форме, что является свидетельством произошедшей частичной грамматической трансформации, последовавшей за трансформацией семантической. Для оценки произошедших семантико-грамматических изменений обратимся к данным словарей и проанализируем, какие значения и какие грамматические категории закреплены или были закреплены за исследуемым глаголом в разные периоды существования русского языка.

1. Современное состояние

Глагол *везти* зафиксирован в Большом толковом словаре русского языка (Большой толковый словарь русского языка. / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.) в четырёх значениях:

1) ‘перемещать, доставлять в определённом направлении кого-либо, что-либо с помощью каких-либо средств передвижения’ (кого-что): *Везти тачку с песком. Везти ребёнка в коляске. Везти спортсменов в автобусе, на автобусе; (разг.) автобусом. Везти*

товары в контейнерах. Везти вещи на машине. Машина, поезд, лошадь везёт. Везти свой воз (также: разг.; терпеливо, добросовестно выполнять все свои обязанности); вопросы кого-что указывают на то, что глагол *везти* в первом значении управляет зависимым словом в винительном падеже;

2) 'перемещать, доставлять куда-либо на себе, с собой' (кого-что): *Везти в подарок цветы. Везти сына на юг. Автобус везёт школьников в лагерь. Грузовик везёт доски.* // 'о сведениях, известиях, полученных где-либо': *Везу для вас массу новостей!*; вопросительные формы местоимений *кого-что* указывают на возможный при глаголе объект в винительном падеже;

3) разг. 'нести всю тяжесть каких-либо забот, обязанностей и т. п. (что (на ком))': *Всю работу на себе везёт! Один всю семью везёт! Везти на своём горбу* ('брать на себя всю тяжесть работы, забот, ответственности'); вопросительные местоимения, данные в формах *что* и *на ком*, указывают на то, что при глаголе могут быть два объекта – один в винительном, другой в предложном падеже, причём последний факультативен;

4) безл. разг. 'удаваться (об успехе, удаче)' (кому-чему): *Ему в жизни очень везло. Весь вечер ему везло в карты. Мне везёт на встречи с хорошими людьми.* ◇ *Везёт как утопленнику (висельнику).* Шутл. 'о невезении, неудаче в чём-либо'; вопросительные местоимения *кому-чему* указывают на то, что безличная форма глагола *везти* соотносится с существительными и местоимениями в дательном падеже, однако природа этих отношений полностью не определена: на это указывает графическое представление местоименных форм *кому-чему*, которое не совпадает с графическим представлением местоименных форм *кого-что* в предыдущих значениях искомого глагола.

В тексте словарной статьи есть также указание на то, что глагол *везти* в безличной форме *везёт* может употребляться и без них: ср. *везёт* и *ему везёт*. Однако в словаре нет указания на то, что при глаголе *везти*, употреблённом в значении 'удаваться (об успехе, удаче)', могут присутствовать объекты в других падежах: *везёт во всём* (винительный падеж), *везёт на счастливые встречи* (винительный падеж с предлогом), *везёт по жизни* (дательный падеж с предлогом), *везёт в жизни* (предложный падеж с предлогом).

В первом, втором и третьем значениях слово *везти* является глаголом, которому присуще общекатегориальное значение глагольного действия. Четвёртое же значение этого общекатегориального значения глагольного действия лишено.

Поскольку слово *везти* является глаголом, выражающим значение движения-перемещения, то в отличие от других глаголов русского языка оно обладает ещё одной грамматической категорией – категорией продолжительности-непрерывности (continuous) и непродолжительности-прерывности (simple) действия: *везти* – *возить*. Очень часто значения двух форм одного слова, зафиксированных в словаре, могут расходиться, что наблюдается в употреблении и исследуемого глагола.

Глагол *возить* употребляется в следующих значениях:

1) то же, что *везти* в первом значении – 'движение, совершающееся в разное время, в разных направлениях и не за один приём' (кого-что): *Возить пассажиров. Возить почту. Возить на машине. Возить в горы. Возить к врачу.* ◇ *На сердитых воду возят*; формы вопросительных местоимений *кого-что* свидетельствуют о том, что в этом значении от глагола зависят дополнения, употребляющиеся в винительном падеже;

2) разг. 'двигать чем-л. в разных направлениях (обычно по поверхности чего-либо)' (чем): *Возить рукавом по столу. Возить тряпкой по полу* ('нехотя или неумело мыть пол, размазывая грязь'); форма вопросительного местоимения *чем* показывает, что в этом значении глагол употребляется с дополнениями в творительном падеже.

Сопоставление значений глаголов *везти* и *возить* показывает, что они совпадают только в одном значении – в первом, в остальных же значениях расходятся. Кроме того, глагол *возить* не имеет отдельного значения, закреплённого за безличной формой *возит*, и конструкция с дательным падежом субъекта состояния *ему возит* является в современном

русском языке бессмысленной.

Это доказывает, что в истории русского языка в результате семантической деривации происходила постепенная дивергенция значений слова *везти*, их закрепление за определёнными контекстами и изменение их грамматических показателей, и в настоящее время можно говорить о том, что так называемая застывшая безличная форма *везёт* выделилась в результате акта семантического словообразования в самостоятельное слово со своим уникальным лексическим значением. Слово *везёт* (мы намеренно избегаем точного отнесения этого слова к какой-либо части речи), сохраняя некоторые грамматические характеристики глагола, в силу утраты им значения глагольного действия употребляется в конструкциях, требующих использования категории состояния. Одним из главных показателей потери значения глагольного действия является невозможность употребления слова *везёт* с субъектом действия, выраженным существительным или местоимением в именительном падеже. В описываемой нами ситуации необходимо использование субъекта состояния в дательном падеже. В этом случае мы можем говорить о дативном подлежащем.

2. Исторические процессы

Обращение к Словарю русского языка (Словарь русского языка: Т. 1: А-Д / Сост. 2-ым отделением Императорской академии наук; под ред. Я. К. Грота. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1895. 1251 с.) даёт следующие значения глагол *везти* (*везть*):

1) 'двигать, перемещать в повозке, водоходном судне или на себе (как лошадь)': *Везти товары сухим путём, водою;*

2) безл. (повезти): *Ему везёт* ('во всём удача'), *Ему не везёт* ('нет удачи, судьба ему не благоприятствует').

И далее авторы словаря приводят пример из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова: *Бывает, моего счастливей везёт*. Это высказывание грамматически не соответствует употреблению глагола *везти* в современном русском языке, поскольку глагольное управление в подобной конструкции невозможно.

Однако за исключением этого примера данные исторического толкового словаря не противоречат данным современных толковых словарей в вопросе расхождения исследуемых нами значений глагола *везти*. Показательно, что первые три значения, зафиксированные в Большом толковом словаре русского языка, в Словаре русского языка пока ещё не сформировались как получившие расхождение и закрепление по разным контекстам.

Ещё один словарь, данные которого необходимо привлечь к анализу, – это Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 ч. Москва: Общество любителей российской словесности, учрежденное при Императорском московском университете, 1863–1866). Он содержит следующую информацию:

1) возить, везти, воживать (*что на чем*) – 'доставлять, переправлять, передвигать с одного места на другое, гужом (на колесах или на полозу), выюком, водою на судах и пр.': *Не ногами конь, брюхом везёт. Не я еду, нужда везёт. Кто везёт, того и погоняют;*

2) везёт (*кому*), безличн. – 'спорит, служит счастье': *Держи ухо остро, поколе везёт. Ему всё везёт* (паит, спорит).

Первое, на что следует обратить внимание, – это то, что слово *везёт* дано отдельной словарной статьёй, а это предполагает, что словарный поиск должен быть связан именно с формой настоящего времени *везёт*, и не с инфинитивной формой *везти*. Следовательно, эта форма должна быть частотной и закреплённой в живой речи.

Второе, что даёт общее понимание ситуации, – это пример: *ему всё везёт*, где в структуре высказывания находится, по всей видимости, субъект действия (подлежащее) *всё*, из этого вытекает, что *ему* является объектом действия (дополнением), а сам глагол сохраняет грамматические категории, свойственные глаголу.

Третье, что, безусловно, нельзя не учитывать, – это отсылка к синонимичным глаголам *паить* и *спорить*. Обращение к ним может также помочь прояснить языковую ситуацию.

Глагол *спорить* (кому, чему чем) имеет следующие значения:

1) ‘помогать, способствовать и пользить, приносить пользу, или улучшать, удобрять’;

2) ‘усиливать, увеличивать’;

3) ‘приносить счастье, удачу, идти впрок’: *Хороший хозяин спорит корму резкою, подсыпкою, бережливостью. Кому счастье спорит, всё с рук сходит. Не спорит корысть, а спорит правда. Назем спорит урожаяю. Ему всё спорит, а мне не спорит, не везёт, ни в чём нет удачи. Ему не спорит снадобье это, не пользует, не помогает. Кому время спорит, тот ни о чём не грустит. Спори, Боже, мучицы, а водицы и сама приспору!*

У глагола *спорить* нет застывшей безличной формы, однако, как указано в словаре, она есть у глагола *спориться*: спориться (безличн.) то же, спорить в безличн. знач. А далее приведены примеры, только в одном из которых использованы действительно безличные конструкции с пропуском или отсутствием субъекта действия (подлежащего): *Ему спорит или спорится*. В остальных же примерах мы видим стандартную для русского языка конструкцию предложения с подлежащим в именительном падеже и глагольным сказуемым: *Дело не спорится, не идёт вперёд. Криком изба не рубится, а шумом дело не спорится. Доспорит ли хлеб до весны?* (‘станет ли его’).

Представленные примеры позволяют увидеть процесс грамматической трансформации в действии и существование грамматически конкурентных конструкций ещё с субъектом действия и уже без него: *ему всё везёт* и *ему везёт, ему счастье спорит* и *ему спорит*.

Наряду с грамматической трансформацией, безусловно, происходит трансформация семантическая, и поэтому понимать обе конструкции с точки зрения семантики как равноправные нельзя. В конструкциях с субъектом действия, выраженным именительным падежом, присутствует глагольное действие, которое субъект оказывает на объект: *ему всё везёт* следует понимать как ‘всё приносит ему удачу’, в конструкциях с субъектом состояния, выраженным дательным падежом, присутствует значение состояния, при этом значение воздействия отсутствует: *ему везёт во всём* следует понимать как ‘он удачлив во всём’. То же самое мы наблюдаем и у глагола спорить: *ему всё спорит* – ‘ему всё приносит удачу’, *ему спорит во всём* – ‘он удачлив во всём’. Оба глагола *везти* и *спорить*, связанные синонимическими отношениями в одном из значений, оказываются вовлечёнными в одну семантическую ситуацию и в качестве результата имеют идентичные грамматические изменения.

Интересным также является сопоставление глагола *везти* с глаголом *паить*, утраченным русским языком и в современном его состоянии, не представленном. Этот глагол вступает в синонимические отношения с глаголами *везти* и *спорить* в единственном своём значении.

Толковый словарь связывает глагол *паить* словообразовательными отношениями со словом *пай*, которое употреблялось в двух значениях:

1) *татарск.* ‘часть, доля надела или раздела, собина, долянка в складчине, артели, товариществе’: *У него два пая в золотых промыслах. Товарищество на паях, складчиною, где каждый вносит долю и получает соразмерные с нею барыши. Аксию берёт кто хочет, а пай разбираются товарищами. Выдели, выпай меня, отдай мне мой артельный пай.* Некоторые примеры показывают, что слово *пай* ассоциативно было связано со словами *удача* и *счастье*: *Счастливому во всем пай. Попасть в пай.*;

2) *твер. пск.* ‘впору или кстати’: *На свой пай сам промышляй. Не стало паю в кулачном бою! В паю – в бою, а не в добыче* (то есть неизвестно ещё, будет ли барыш).

С существительным *пай* связан глагол *паить* (кому): *безлично*, ‘счастливить, везти, удаваться’: *Ему всё паит. Кому паит, у того и бык доит! Паило б тебе век да везло, да и вывезло заздравное пожеланье. Пусть бы счастье не любило, только б (лишь бы) паило!*

Все примеры, данные в словаре, кроме первого реализуют безличную конструкцию в

сочетании с субъектом в дательном падеже, однако в первом примере есть субъект действия в именительном падеже и объект действия (реципиент) в дательном: *Ему всё паит*. Это указывает на ещё не завершившиеся грамматические трансформации глагола и пересекается с примерами употребления слов *везёт* и *спорит* в соответствующих словарных статьях: *ему всё везёт, ему всё спорит, ему всё паит*.

Глагол *паить* имел значение ‘давать пай’ и трансформировался семантически и грамматически, став частью синтаксической конструкции, в которой утрачено подлежащее в именительном падеже, обозначающее субъекта действия, а реципиент, представленный в дательном падеже, трансформировался в дативное подлежащее, обозначающее субъекта состояния, при том, что глагольное значение предиката было вытеснено значением состояния.

Проведённый анализ словарных статей показывает, что слова *везти*, *спорить* и *паить* были связаны синонимическими отношениями и уже в XIX веке обозначали состояние при дативном подлежащем. Однако семантическое наполнение глаголов *паить* и *спорить* более понятно, чем семантические трансформации глагола *везти*: значения ‘приносить счастье, удачу, идти впрок’ и ‘впору или к стати’ содержали в своём объёме отсылку к удаче и везению.

Результат исторических трансформаций рассмотренных глаголов таков: глагол *паить* утрачен в русском языке, глагол *спорить* также утрачен во всех трёх значениях (есть омонимичный ему глагол *спорить* в других значениях – ‘вести спор, возражать кому-либо, доказывать что-либо’, ‘отстаивать в суде своё право на владение чем-либо’ и ‘бороться с чем-либо, сопротивляться чему-либо’), глагол *везти* претерпел семантическую и грамматическую трансформацию. Однако примечательным является то, что семантико-грамматические трансформации всех трёх глаголов имели один путь реализации, что позволяет говорить о грамматическом дрейфе, возникшем в результате расширения семантического объёма слова за счёт деривационных процессов, как о тенденции, не противоречащей системе русского языка и традициям употребления в нём языковых единиц.

Для более детального понимания языковой ситуации следует также обратиться к словарям более ранних периодов.

В Словаре русского языка XVIII века (Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Институт русского языка. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1984–1991) представлена следующая информация о значениях глагола *везти*:

1) ‘перемещать (телегу, сани и т. п.); доставлять куда-л. (на телеге, санях, судне и т. п.)’ (кого-что): *Везли карету шесть великих лошадей*. Примеры из текстов: *Сум. Притчи 221. А запас де они свой хотят везти на верблюдах и на лошадях. ПСИ 140. Он вздумал ... нанять телгу и везти меня в Берлин. Крм. ППП I 218. || без доп. ‘идти, таща воз, поклажу и т. п. (о лошади)’. Лошадка в хомуте везет по можете. ППЗ 30. ♢ Не везёт. Не тянет, стоит. [Старик:] Ну! ну! сивушка... эж она... стала... ну! ну! дотяни ищо не много... нгът провальная не вези́от. Абл. Мельн. 41.;*

2) только 3 л. ед. простореч. ‘приносить удачу, успех’: *Невезет наша; неладится, неидет дгъло на лад. ♢ Наша везет (не везет)*. Примеры из текстов: *ВЛ 228. [Созон:] Барин! наша вези́от. Левш. Св. ноша 225. | Везет, безл., кому. [Марина:] Что Графу не везет, ты может быть то слыша, Смутился. Княж. Хваст. 128. Карт. [Паролькин:] Да лучшие карты бросим: Не стала дама везть. Капн. Яб. 84.*

Последний пример, взятый авторами словаря из комедии «Ябеда» (1798) В. В. Капниста, очень показателен: *Не стала дама везть* [4]. При том, что глагол *везти* употреблён в значении ‘приносить удачу, успех’, грамматическая структура предложения ещё не трансформирована, а глаголом *везти* не утрачено значение глагольного действия.

В XVIII век глагол *везти* имел значение ‘приносить удачу, успех’ и представлял собой обычный глагол, который вступал в высказывании в соотношение с субъектом действия, выраженным в именительном падеже.

Утрата субъекта действия в именительном падеже произошла в силу необходимости отказа от детализации действия и усиления проявления обобщённого значения. В современном русском языке детализация ситуации осуществляется за счёт управления: *Ему везёт во всём. Ему не везет ни в чём.*

Кроме того, только первое значение глагола *везти* подкрепляется словом *везение*, которое закреплено в языке за глаголом *везти*, обозначающем перемещение: *Берут оных для везения себя и своих припасов. Пут. Бел. 214.* Слово *везение* в значении 'благоприятное стечение обстоятельств; удача' в словаре XVIII века отсутствует, а в современных словарях даётся с пометой «разговорное», которая свидетельствует о том, что семантическая трансформация слова, возможно, завершилась не в полной мере.

В Словаре русского языка XVIII века представлена также и лексема *паить*: *паить, па́ит, безл. простонар. – 'везти кому-л. в чем': Ему па́ит или не па́ит. САР1 IV 695, в простонар. Ему долго в игръ паило, но теперь не паит. САР2 IV 769, в просторечии.*

Интересным является то, что лексема *паит* сразу же обозначена в единственно возможной, застывшей безличной форме и пример дан только с дативным подлежащим, никаких иных примеров в отличие от толковых словарей, изданных в XIX веке, нет. Это значит, что слово *паить* вступило в конкуренцию с глаголами *везти* и *спорить* в сформировавшихся грамматических и семантических конструкциях, обеспечивающих их нейтрализацию. Глаголы *везти* и *спорить*, свою очередь, оказали влияние на глагол *паить*, и все три синонима стали употребляться в равных контекстуальных условиях, создавая зоны семантической вибрации – «зоны пересечения созначений и совпадения значений двух или нескольких разных лексических единиц, то есть возникновение ситуации, когда несколько лексических единиц могут употребляться в одном и том же значении в совпадающем контексте, то есть одна лексическая единица в качестве одного из своих созначений принимает значение или созначение другой лексической единицы и возникают ситуации совпадения этих двух лексических единиц» [12, с. 125]. В описанном процессе следует, вероятно, видеть влияние книжного языка, требующего чистоты в том числе и грамматических структур, актуального для языка XVIII века. В XIX веке требование к чистоте языка снижается, поскольку в активно формирующуюся форму литературного языка входит много языковых единиц и средств из живой речи, что, безусловно, существенно обогащает язык. Пометы «простонародное» и «просторечное» позволяют утверждать, что конструкции с дативным подлежащим были необходимостью живой речи и зародились в ней.

В Словаре древнерусского языка (XI-XIV вв.) (Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) / АН СССР. Институт русского языка. М.: Русский язык. 1988) указано, что глагол *везти* имеет только одно значение: 'везти, переправлять кого-л., что-л. при помощи каких-л. средств передвижения': *Всеволодъ же спръта тѣло вѣа своего. възложьши на сани везоша и Киеву. ЛЛ 1377, 54 об. (1054); той же ночи і престависѧ. і везоша і въ володимирь. і положиша и въ монастыри. Там же, 139 об. (1263); а Тюима. на санехъ везоша. бѣ бо раненъ велми. Там же, 291 об. (1277); и вбрътохъ сдѣ на семь мѣсть члѣва лежаща. мертѡа нага w(m) мраза измерзѡша и веземъ его везохъ в монастырь СбТр к. XIV, 204.* Сведений о глаголах *паить* и *спорить* в искомым значениях нет.

Этимологический словарь русского языка (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 3-е изд., стер. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Издательский центр «Терра», 1996) также не даёт сведений о том, что у глаголов *везти*, *спорить* и *паить* было значение 'приносить удачу':

1) глагол *везти* дан по своему инфинитиву: *везти*, укр., *везу*, *везти*, ст.-слав. *вез*, *вести*, болг. *веза*, сербохорв. *везем*, *вести*, словен. *vesti*, *vezem*, чеш. *vezu*, *vezti*, польск. *wioze*, *wiezc*, словц. *veziem*, *viezt'*, в.-луж. *wjesc*, н.-луж. *wjasc*. Сюда же *воз*, *возить*, *весло*, *обоз*. Родственно лит. *vezu*, *vezti* "везти", лтш. *vezums* "подвода, груз", др.-прусск. *vessis* "салазки, санки", др.-

инд. *vahati* "везет", авест. *vazaiti* "везет, едет", алб. *vjeth* "краду", аор. *vodha* (впрочем, возм., связано с *веду*), греч. памфильск. "он должен принести", лат. *veho* "везу", гот. *gawigan* "трясти, двигать";

2) глагол *спорить* дан по отношению к существительному *спор*: спорить, спорю, укр. *спір*, род. п. *спору*, споритися "спорить", др.-русск. *сьпорь*, также *соупорь* (из *с-порь), словен. *spor*, род. п. *spora*, чеш., словц. *spor*, польск. *spor*, род. п. *sporu*. Связано с *переть*. Ср. др.-инд. *pṛt-*, *pṛtana* "борьба", авест. *pṛt-*, *psana* "схватка, борьба", арм. *her* (основа на -i), род. п. *heri* "ссора, спор, распря";

3) глагол *паить* не дан, дано только существительное *пай*: пай, "доля, часть", уменьш. паек, род. п. *пайка*, укр. *пай*. Заимств. из тур., крым.-тат., тат. *раи* "часть, участок, пай".

Опираясь на данные этимологического словаря, следует утверждать, что семантическое приращение созначения 'приносить удачу' сформировалось у глаголов *везти* и *спорить* ближе к XVII веку, но раньше XVIII. Это подтверждается тем, что в Словаре русского языка XVIII века это значение зафиксировано как уже собственно языковое (хотя и со стилистической пометой), то есть широко распространённое и хорошо понимаемое носителями русского языка. Примерно к этому же времени необходимо отнести и появление глагола *паить*, функционировавшего в языке и речи в единственно существующем у него значении. Процесс развития значения в глаголах *везти*, *паить*, *спорить* связан с развитием в языке отвлечённости и абстрактности, что как раз приходится на рассматриваемый нами период [9].

Заключение

Проведённый языковой анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Глагол *везти* был связан синонимическими отношениями с глаголами *паить* и *спорить*, которые претерпевали такие же семантико-грамматические трансформации, какие претерпевал и глагол *везти*. Первым семантико-грамматическую трансформацию претерпел глагол *паить*, употреблявшийся только в одном значении, за ним последовали изменения глагола *спорить*, завершил эту линию трансформации глагол *везти*. Оказавшись связанными отношениями синонимии, исследуемые глаголы вынуждены были вступить в равноправные отношения не только семантически, но и грамматически, иначе бы они оказались в условиях невозможности взаимозамены в контекстах.

2. В результате семантических смещений произошёл грамматический дрейф слова *везёт* из группы глаголов в группу слов, потерявших значение глагольного действия и изменивших свои грамматические признаки, в группу слов, выражающих состояние. В настоящее время мы можем говорить о существующей в русском языке тенденции к потере у одного из значений глагола значения глагольного действия, поскольку описанный нами языковой пример носит не единичный и не уникальный характер и подкрепляется иными примерами.

3. Исследованный нами механизм семантико-грамматической трансформации имел характер живой разговорной речи, и консервативное застопоривающее влияние со стороны высокой книжной речи, требовавшей грамматической чистоты языка и речи, замедляло процесс развития слов категории состояния. Однако процесс развития конструкций, выражающих ментальную категорию состояния, поддерживался трансформацией иных слов (прежде всего наречий и существительных в значении состояния), что существенно усиливало общую тенденцию.

4. Слово *везёт* невозможно отнести в чистом виде к глаголам, поскольку оно утратило не только имеющееся ранее значение глагольного действия, но грамматические признаки глагола, потеряв личные формы настоящего и будущего времени и родовые формы прошедшего времени. Оно не может иметь наклонений, залога и числа. Все его формы вместо инфинитивной формы сводятся к форме настоящего времени *везёт*, которую за неимением инфинитива приходится рассматривать как начальную. Из всех грамматических

категорий у слова *везёт* остались категория времени и вида: настоящее время – *везёт*, прошедшее время – *везло* и *повезло*, будущее время – *повезёт* и *будет везти*. Форма *будет везти* и употребление с модальными глаголами *может везти* / *может повезти* являются, по сути дела, связующим звеном между парадигмой слова *везёт* и глаголом *везти*. С точки зрения выполняемой синтаксической функции слово *везёт* во всех своих формах выполняет функцию сказуемого, то есть является предикатом, оно не соотносимо с субъектом действия и, следовательно, не может иметь при себе подлежащее в именительном падеже.

5. В связи с тем, что слово *везёт* сохранило ряд глагольных грамматических категорий и способность к изменению форм, его невозможно безоговорочно причислить к словам категории состояния, являющимся неизменяемыми, но, по всей видимости, следует считать его словом, к ним тяготеющим. Со словами категории состояния с точки зрения семантики его сближает общее категориальное значение, выражающееся в том, что слово *везёт* обозначает состояние субъекта, а не его действия; с точки зрения грамматики – соотношение с субъектом, выраженным дательным падежом, что характерно для слов категории состояния, требующих при себе употребления субъектов состояния. Однако позиция в отношении причисления застывших безличных форм глаголов к словам категории – это, скорее, вопрос определения статуса и признаков слов категории состояния. Если понимать их широко, то слово *везёт* надо рассматривать не как форму глагола *везти*, а как категорию состояния.

6. Несмотря на то, что процесс грамматической трансформации был частью общей тенденции языка к отбору семантических и грамматических средств выражения категории состояния, отличавшейся от категории действия и даже противопоставленной ей, что, безусловно, соответствовало русской ментальности и вытекало из неё как необходимость, грамматическая трансформация проходила медленно, а влияние литературного русского языка, требующего введения в высказывание субъекта в именительном падеже (возможно, с целью следования внутренней языковой логике с точки зрения экономии языковых средств и, следовательно, унификации синтаксической структуры предложения), делало этот процесс непоследовательным и гетерогенным. И только в XX веке русский язык пришёл к принятию устойчивой конструкции с субъектом состояния, выражающемся в дательном падеже, как к норме.

7. Частные семантико-грамматические изменения в структуре глагола *везти*, зафиксированные в словарях и в контекстах, соответствуют общей тенденции русского языка, направленной в сторону усиления роли и позиций слов категории состояния. За счёт семантико-грамматического дрейфа происходит постепенная трансформация системы русского языка в сторону её расширения и углубления.

8. Формирование и развитие категории состояния было связано с развитием категорий отвлечённости и абстрактности в русском языке. Активность этого процесса пришлась на XVII- XIX века, то есть на то время, когда в русском языке в целом запустился и усилился процесс метонимической и метафорической семантической деривации.

9. Исследуемый процесс грамматического дрейфа обогатил язык, повысив уровень энтропии [11] и запустив механизмы выражения очень важных для русской культуры ментальных категорий, в том числе категории состояния.

References:

1. Bulanin L. L. Trudnye voprosy morfologii [Difficult questions of morphology]. Leningrad: Prosveshchenie [Leningrad: Enlightenment], 1976, 207 p.
2. Vinogradov V. V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moskva: Vysshaya shkola [Moscow: Higher School], 1972, 616.
3. Zamyatina I. V. Upotreblenie lichnoj i bezlichnoj formy prichastnogo predikativa [The use of a personal and impersonal form of the participating predicate]. Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya»

- [Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Russian Philology"], 2008, № 2, 25–29.
4. Kapnist V. V. Yabeda. Komediya v pyati dejstviyah [Tattletale. Comedy in five acts]. Sankt-Peterburg: Pechatano v Imperatorskoj tipografii [St. Petersburg: Printed in the Imperial Printing House], 1798, 135.
  5. Knyazev Yu. P. Grammaticheskaya semantika. Russkij yazyk v tipologicheskoy perspektive [Grammatical semantics. Russian language in typological perspective]. Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur [Moscow: Languages of Slavic cultures], 2007, 704.
  6. Kubryakova E. S. Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii [Parts of speech in onomasiological lighting]. Moskva: Nauka [Moscow: Science], 1978, 114.
  7. Nedyalkov V. P. Zametki po tipologii reflektivnyh deagentivnyh konstrukcij [Notes on the typology of reflexive deagentive constructions] // Problemy teorii grammaticheskogo zaloga [Problems of the theory of grammatical collateral]. Leningrad: Nauka [Leningrad: Science], 1978, 28–37.
  8. Nekipelova I. M. Ideaciya kak lingvofilosofskaya kategoriya [Ideology as a linguo-philosophical category]. Cross-Cultural Studies: Education and Science, 2021, 6, № 2, 103-111.
  9. Nekipelova I. M. K voprosu o razgranichenii ponyatij otvlechyonnost' i abstraktnost' i roli kategorij otvlechyonnosti i abstraktnosti v razvitii semanticheskoy sistemy russkogo yazyka [On the question of delimiting the concepts of distraction and abstraction and the role of categories of distraction and abstraction in the development of the semantic system of the Russian language]. V mire nauchnyh otkrytij [In the world of scientific discoveries], 2011, № 4.1(16), 682–689. EDN: OPOMNV.
  10. Nekipelova I. M. K voprosu o razgranichenii ponyatij semanticheskaya derivaciya i semanticheskoe slovoobrazovanie v diahronicheskom aspekte [On the question of delimiting the concepts of semantic derivation and semantic word formation in a diachronic aspect]. Vestnik TGU. Filologiya [Bulletin of TSU. Philology.], 2011, № 2 (14), 33–46. EDN: MJXTOL.
  11. Nekipelova I. M. Entropiya yazykovoj sistemy kak osnovnoj pokazatel' eyo razvitiya [Entropy of language system as the main indicator of its development]. Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal) [Modern studies of social problems (electronic scientific journal)], 2013, №12 (32), 4. EDN: SHBEBN; DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-12-4>.
  12. Nekipelova I. M., Minasyan S. M. Osobennosti netipovoy interiorizatsii oslozhnennykh mnogoznachnost'yu omonimov nerodnogo yazyka (na primere sootnosheniya slova «predlozhenie» s sootvetstvuyushchimi emu slovami v angliyskom yazyke i yazyke yoruba) [Problems of atypical interiorization of multi-valued omonyms of the non-native language (based on the relation of the word “предложение” to its corresponding words in english and yoruba)]. Cuadernos de Rusística Española, 2021, №17, 117–133. EDN: JOXNHB; DOI: 10.30827/cre.v17.21054.
  13. Russkaya grammatika. Akademiya nauk SSSR institut russkogo yazyka «Russkaya grammatika» [Russian grammar. USSR Academy of Sciences Institute of Russian Language "Russian Grammar"]. Moskva: Nauka [Moscow: Science], 1980.
  14. Saj S. S. Leksicheskie mekhanizmy grammaticheskogo drejfa: konstrukcii s dativnym sub"ektom v russkom yazyke XVIII–XXI vekov [Lexical mechanisms of grammatical drift: constructions with a dative subject in the Russian language of the 18th-21st centuries] // Acta Linguistica Petropolitana, 10, № 3, 568-610.
  15. Cimmerling A. V. Nekanonicheskoe podlezhashchee v russkom yazyke. Ot znacheniya k forme, ot formy k znacheniyu [Non-canonical subject in Russian. From value to form, from form to meaning]. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury [Moscow: Languages of Slavic culture], 2012, 568–590.
  16. Cimmerling A. V., Trubicina M. V. Dativnye i sentencial'nye podlezhashchie v russkom yazyke: ot vnutrennih sostoyanij k obshchim suzheniyam [Dative and sentential subjects in Russian: from internal states to general judgments]. Rhema, 2015, 71–104.
  17. Cpasti rechi: Teoriya i tipologiya [Parts of speech: Theory and typology] / V. M. Alpatov, A. N. Barulin, YA. G. Testelec i dr. Moskva: Nauka [Moscow: Science], 1990, 267.
  18. Shcherba L. V. O chastyah rechi v russkom yazyke [About parts of speech in Russian]. Yazykovaya

- sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka [Leningrad: Science], 1974, 77–100.
19. Geniušienė E. The Typology of Reflexives. Berlin – New York – Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987. 456 p.
20. Moore J., Perlmutter D. What does it take to be a dative subject? *Natural Language and Linguistic Theory* 18, 2, 2000, 373–416.
21. Schoorlemmer M. Dative subjects in Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics*, Vol. 1. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1994, 249–270.

Список литературы:

1. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. Л.: Просвещение, 1976. 207 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
3. Замятина И. В. Употребление личной и безличной формы причастного предикатива // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2008. № 2. С. 25–29.
4. Капнист В. В. Ябеда, комедия в пяти действиях / Изданием г. Крутицкого. СПб.: Печатано в Имп. тип., 1798. 135 с.
5. Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
6. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978. 114 с.
7. Недялков В. П. Заметки по типологии рефлексивных деагентивных конструкций // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 28–37.
8. Некипелова И. М. Идеация как лингвофилософская категория // *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. 2021. Т. 6. № 2. С. 103-111.
9. Некипелова И. М. К вопросу о разграничении понятий *отвлечённость* и *абстрактность* и роли категорий отвлечённости и абстрактности в развитии семантической системы русского языка // В мире научных открытий. 2011. № 4.1(16). С. 682-689. EDN: OPOMNV.
10. Некипелова И. М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте // Вестник ТГУ. Филология. 2011. № 2 (14). С. 33–46. EDN: MJXTOL
11. Некипелова И. М. Энтропия языковой системы как основной показатель её развития // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. №12 (32). С. 4. EDN: SHBEVN; DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-12-4>.
12. Некипелова И. М., Минасян С. М. Особенности нетиповой интериоризации осложнённых многозначностью омонимов неродного языка (на примере соотношения слова «предложение» с соответствующими ему словами в английском языке и языке йоруба) // *Cuadernos de Rusística Española*. 2021. № 17. Pp. 117-133. (In Rus.) EDN: JOXNHB; DOI: 10.30827/cre.v17.21054.
13. Русская грамматика. Академия наук СССР институт русского языка «Русская грамматика». М.: Наука, 1980.
14. Сай С. С. Лексические механизмы грамматического дрейфа: конструкции с дативным субъектом в русском языке XVIII-XXI веков // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды института лингвистических исследований. № 3. Том 10. С. 568-610.
15. Циммерлинг А. В. Неканоническое подлежащее в русском языке // От значения к форме, от формы к значению. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 568–590.
16. Циммерлинг А. В., Трубицина М. В. Дативные и сентенциальные подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям // *Rhema*. Рема. 2015. С. 71–104.

17. Части речи: Теория и типология / В. М. Алпатов, А. Н. Барулин, Я. Г. Тестелец и др. М.: Наука, 1990. 267 с.
18. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 77–100.
19. Geniušienė E. The Typology of Reflexives. Berlin – New York – Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987. 456 p.
20. Moore J., Perlmutter D. What does it take to be a dative subject? // Natural Language and Linguistic Theory 18, 2, 2000. Pp. 373–416.
21. Schoorlemmer M. Dative subjects in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics, Vol. 1. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1994. Pp. 249–270.

Information about the Authors:

Nekipelova Irina (Izhevsk, Russia) – PhD, Head of the Department «Russian as a Foreign Language», Director of Testing center, Kalashnikov Izhevsk state technical university. Winner of the "Scientist of the Year 2020" in the category "Humanities: languages and literature" (International Achievements Research Center) (Chicago, USA). Research fields: history of Russian language, language philosophy, teaching Russian as a foreign language; author of over 140 publications, 5 monographs and textbook «Russian as a foreign language: Step by step».

E-mail: irina.m.nekipelova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8448-3000

SCOPUS ID: 57191414786

Web of Science ResearcherID: AAS-9439-2021

SPIN-код: 8968-4493

AuthorID: 394021

Nekipelov Eduard (Izhevsk, Russia) – student of the Faculty of Energy, Institute of Translators in the field of professional communication, Kalashnikov Izhevsk state technical university. Research fields: Russian language; teaching Russian as a foreign language; pedagogy, comparative linguistics.

E-mail: eduard_nekipelov@mail.ru

Acknowledgments: We thank the reviewers for their valuable suggestions.

Contribution of the Authors. The Authors contributed equally to the present research.